

Помимо родо-видовых, между вещами и понятиями, а также между действиями и событиями существуют и другие отношения — причинно-следственные, временные, пространственные и т. п. Знание этих отношений позволяет человеку отличить логически нормальное высказывание от аномального, неправильного: *На улице сыро, потому что идет дождь* (но не: **На улице сыро, поэтому идет дождь*); *Он встал, оделся и вышел на улицу* (но не: **Он оделся, встал и вышел на улицу* или **Он вышел на улицу, оделся и встал* — во всяком случае, такие предложения описывают необычные ситуации). Пример из речи ребенка: **Завтра я был в детском саду, а вчера не пойду* свидетельствует не только о том, что говорящий не овладел значениями слов *завтра* и *вчера*, но и о том, что он не имеет ясно представления о взаимном расположении смыслов 'вчера', 'сегодня', 'завтра' на оси времени.

Приведенные здесь неправильные высказывания являются логическими аномалиями в отличие от приводившихся выше языковых неправильностей. В самом общем виде различие между языковой неправильностью и логической аномалией может быть сформулировано так: языковая неправильность — это высказывание, противоречащее возможностям данного языка (так не говорят по-русски, по-английски, по-арабски и т. д.), логическая аномалия — это высказывание, противоречащее нормальной логике вещей (так не бывает, хотя по-русски (по-английски, по-арабски) так сказать можно): ср. сочетания типа *круглый квадрат*, *жидкий лед* и т. п. (подробный анализ различий между языковыми неправильностями и логическими аномалиями содержится в работе [Апресян 1978]).

Кроме рассмотренных трех уровней владения языком, выделяют еще **ситуативный уровень**. Умение применять языковые знания и способности — как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, — сообразно с ситуацией составляет этот уровень владения языком.

В главе 1 (раздел "Коммуникативная ситуация") мы достаточно подробно рассмотрели компоненты ситуации общения и проиллюстрировали важность ситуативных условий для правильного использования языковых средств. Поэтому здесь ограничимся констатацией положения о том, что знание ситуативных условий речи органически входит в навык, называемый "владение языком".

2.6. Социальный аспект речевого общения

Речевое общение представляет собой сложный процесс, в изучении которого можно выделить разные аспекты: собственно лингвистический (анализ тех языковых средств — фонетических, интонационных, лексических, грамматических, которые используются в коммуникации), психологический (установка общающихся друг относительно друга, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности поведения и т. п.), социальный. Последний аспект включает в себя статусные и ролевые различия между людьми (о понятиях *социального статуса* и *социальной роли* см. в главе 3), проявляющиеся в актах коммуникации, общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения, социальные различия между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения и т. п.

Рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к социальному аспекту речевого общения.

2.6.1. Речевое общение в социально неоднородной среде

При исследовании речевого общения часто неявно предполагается, что человеческая среда, в которой происходит общение, однородна в социальном отношении. Между тем весьма обычны ситуации, когда коммуникация осуществляется представителями разных социальных слоев и групп. Таково, например, общение судьи, подсудимого, обвинителя, адвоката и свидетелей в зале суда, посетителей на приеме у представителей власти, в ролевых парах типа "покупатель — продавец", "врач — пациент", "хозяин квартиры — сантехник", "водитель такси — пассажир" и т. п.

Для успеха коммуникации необходимо своеобразное взаимное приспособление участников коммуникативной ситуации. Такое приспособление может касаться: 1) набора языковых средств; 2) правил их использования в данной ситуации; 3) тактик речевого общения; 4) при контактном общении — ее невербальных компонентов (жестов, мимики, телодвижений и т. п.). Для всех четырех типов коммуникативного приспособления имеет значение различие комму-

никантов по признакам “свой / чужой” и “выше / ниже” (в некоторой социальной или возрастной иерархии). Дадим краткую характеристику разных сторон речевого общения.

1. При общении со “своим”, т. е. человеком из той же социальной среды и при этом знакомым говорящему, последний более или менее свободен в выборе языковых средств; при общении с “чужим” происходит селекция языковых средств — путем переключения на стилистически более официальный регистр, самоограничений языкового репертуара (например, рабочий, общаясь с врачом или с судьей, избегает ненормативной лексики, которая обычна для его речевого поведения в общении со “своими”), а также в виде редукции сугубо индивидуальных речевых черт (слова и выражения, которые человек любит употреблять в общении с “домашними”, едва ли уместны в разговорах с официальными лицами).

Подобная селекция наблюдается и при общении взрослого и ребенка, начальника и подчиненного, командира и солдата и т. п.

2. Правила использования языковых средств различаются в зависимости от того, происходит ли общение в привычной для говорящего социальной среде или в непривычной. В первом случае довольно часты отступления от нормативных форм речи (ср. семейные словечки, обороты, присловья, а также речевую специфику других малых социальных групп; см. об этом более подробно в разделе “Микросоциолингвистика” главы 4). При общении в непривычной социальной среде говорящий вынужден с большей аккуратностью следовать правилам употребления языковых средств, в противном случае его ждет коммуникативная неудача (недоумение, непонимание, отказ от общения) или своеобразные санкции со стороны тех, с кем он вступает в контакт (насмешки, осуждение, возмущение и т. п.).

Общение в непривычной среде часто характеризуется тем, что участники общения владеют разными подсистемами одного национального языка: одни — исключительно или преимущественно литературным языком, другие — диалектом, третьи — просторечием или каким-либо социальным жаргоном и т. д. Речевое общение может происходить с использованием средств каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель просторечия — просторечные слова и обороты, носитель литера-

турного языка — средства языка литературного. Однако при общем относительном взаимопонимании — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку — возможны коммуникативные провалы, обусловленные тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т. п.

В рассказе А. П. Чехова “Новая дача” инженер Кучеров спрашивает деревенских мужиков, зачем они пускают скотину в его огород и сад, рубят деревья в лесу, перекопали дорогу. Он говорит им:

“ — Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою”.

Из всей его речи мужики уразумели только то, что надо платить (этот глагол понят ими в конкретном, вещественном смысле):

“ — Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...”

В другой раз, встретив крестьян, Кучеров говорит раздраженно, возмущенный бессмысленностью их поступков по отношению к нему и его семье:

«Инженер остановил свой негодующий взгляд на Родионе [старом кузнеце] и продолжал:

— Я и жена относились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем презирать вас. Больше ничего не остается!..

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он, отдохнув. — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду... Хотел я ему в ноги поклониться, да оробел... Дай Бог здоровья... Пошли им Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжал Родион. — “Призирать будем...” — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего... Вечно бы за них Бога молил... Пошли, Царица небесная...».

3. В понятие *тактика речевого общения* входят такие компоненты, как инициатива коммуникативного контакта, установка на общение, “иллокутивное вынуждение” (термин А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992]). Здесь имеется в виду согласование участниками общения коммуникативных намерений, которые они облачают в форму тех или иных речевых актов — просьбы, требования, сообщения, приглашения, обещания и т. п., — соотношение диалогических и монологических форм речи, паузация (в частности, допустимость / недопустимость, обязательность / необязательность, краткость / протяженность пауз) и др.

Рассмотрим с этой точки зрения общение врача и пациента.

В типичном случае это представители разных социальных слоев. Хотя инициатива обращения к врачу может исходить от пациента, “ведущим” в их диалоге является, несомненно, врач. Он задает вопросы, и пациент обязан на них отвечать; он приказывает: — *Дышите!* — *Задержите дыхание!* — *Разденьтесь!* — *Лягте на кушетку!* — и пациент обязан подчиняться. Врач рекомендует, запрещает, страшит возможными последствиями нарушения врачебных предписаний, и это не вызывает протеста, поскольку входит в систему ролевых ожиданий, характерных для социальной роли врача.

Само взаимодействие “врач — пациент” с необходимостью предполагает установку на общение (с этим можно сравнить взаимодействие в паре “следователь — подсудимый”, где установка на общение может присутствовать только у следователя). Врач и пациент периодически меняются ролями говорящего и слушающего, и хотя в целом их общение можно характеризовать как диалог, в этом диалоге допустимы более или менее значительные по объему фрагменты монологической речи — например, когда врач составляет анамнез и выслушивает рассказ пациента обо всех его прошлых и настоящих недугах. В процессе общения врача и пациента допустимы и нормальные паузы, причем регулирует паузацию, как правило, врач — например, при выслушивании ритмов сердца, при измерении артериального давления и т. п. (ср. общение в ситуации “своей” социальной среды, когда возникновение пауз скорее спонтанно, чем вынуждаемо одной из сторон общения).

Различия в тактиках речевого общения могут касаться также способов реализации одних и тех же языковых и параязыковых средств. Например, манера говорить, принятая среди представителей современного русского просторечия, в интеллигентской среде иногда оценивается как агрессивная (повышенная громкость обычной “информационной” беседы, резкость интонаций, оберучная размашистая жестикуляция, телодвижения, имитирующие те или иные физические процессы, и т. п.), тогда как с точки зрения говорящего — носителя просторечия такая манера общения агрессивной не считается. В интеллигентской среде при передаче чужого мнения или чужих высказываний не принято подражать манере говорения, которая характерна для цитируемого лица; в просторечной среде имитация чужой речи с элементами передразнивания (при отрицательной оценке того, кто имеется в виду, его действий и т. п.) — явление вполне обычное.

4. Невербальные компоненты коммуникативной ситуации — жесты, мимика, телодвижения — более разнообразны и свободны при общении людей среди “своих”. В чужой среде, и особенно при общении “снизу вверх”, эти компоненты находятся под социальным контролем, который суживает рамки жестовых и мимических реакций, и под самоконтролем участников коммуникации.

Из этой краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что в общем случае взрослый человек владеет некоей совокупностью социализированных, принятых в данном социальном коллективе норм общения, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы обязательны для людей, живущих в данном языковом сообществе, при их речевом поведении как в социально однородной, так и в социально неоднородной среде.

2.6.2. Социальная регуляция речевого общения

В языке существуют “зоны”, в большей или меньшей мере чувствительные к влиянию социальных факторов. Например, формы обращения к собеседнику, стереотипы приветствий, прощаний, поздравлений, извинений и т. п. — словом, вся система речевого этикета в наибольшей степени обусловлена социальными характеристиками коммуникантов и ситуацией общения. При этом в разных язы-

ках и языковых сообществах действуют разные рекомендации и запреты, касающиеся употребления тех или иных этикетных формул. Эти формулы достаточно условны: на их месте могли бы быть другие языковые выражения с той же функцией, однако традиция — культурная и языковая — закрепила в употреблении именно данные речевые формы, а не какие-либо иные, и пренебрежение условностями этикета, попытки “вольничать” с этикетными шаблонами могут вести к непониманию и конфликтам.

Если вы начинаете общение с вашим знакомым без обычного *здравствуй(те)* или *добрый день*, то он может либо оскорбиться, либо предположить, что у вас случилось нечто, выбившее вас из обычной колеи и заставившее пренебречь формами этикета.

Уход из гостей без прощания оценивается в русском обществе как невежливое поведение; англичане же относятся к этому иначе, и в русском языке даже существует оборот “уйти по-английски” — незаметно и потому не прощаясь (любопытно, что в английском языке то же действие обозначается словосочетанием *to take French leave*, т. е. ‘уйти по-французски’).

Обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку. При этом обычно используется не полное, так называемое паспортное, имя, а уменьшительное: не *Вячеслав*, а *Слава*, не *Екатерина*, а *Катя* (правда, в последнее время, особенно в молодежной среде, наблюдается тенденция использовать в этой функции полную форму имени: *Александр*, *Леонид*, *Святослав*, однако это еще не стало общерусской нормой). У американцев принято более свободное употребление личного (и часто также уменьшительного) имени: например, коллеги по научной работе — не обязательно друзья или близкие знакомые! — могут называть друг друга *Билл*, *Боб*, *Сьюзи*.

На юге США в прошлом существовали очень строгие различия между обращениями белых к черным, с одной стороны, и черных к белым — с другой. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей социальной группы, добавляя вежливое *сэр*, или *мистер*, или *мадам*. К ним же обращались: *бой* или только по имени.

Среди некоторых национальностей современной Индии о лице, занимающем высокое социальное положение,

принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа. В буквальном переводе это звучит так: *Судья начали заседание; Доктор заняли место председателя*. Такое лицо и о себе говорит в столь же почтительной форме: *мы пошли, нас предупредили, а не я пошел, меня предупредили*. С этим можно сравнить обороты, существовавшие в старом русском просторечии: *Барыня кушают, Барин гневаются*, а также клише, начинавшее царские постановления: *Мы, милостию Божией государь и император всея Руси Николай Второй...*

Местоимение 2-го лица единственного числа, соответствующее русскому *ты*, используется в языке раджастанхи (Индия) при дружеском обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно также в случае, когда говорящий ощущает большое интеллектуальное превосходство над адресатом (или это превосходство признается всеми членами данного социума): например, деревенский мудрец, к которому односельчане обращаются за советом и помощью, всем без исключения говорит *ты*, в том числе и сильным мира — богатому торговцу, землевладельцу.

В Венгрии, по наблюдениям венгерского лингвиста академика Ф. Паппа, обращение на *ты (te)* широко распространено в среде интеллигенции и мало встречается у крестьян: крестьяне обращаются друг к другу на *вы*, даже жена мужа называет на *вы* (а он ее — на *ты*). Среди интеллигентных людей одной профессии принято обращение на *ты*, даже если между собеседниками большая разница в возрасте и они мало знакомы друг с другом: на *ты* может происходить, например, общение специалистов, впервые встретившихся на профессиональной конференции. Если жены на *ты*, то и их мужья, несмотря на возможную значительную разницу в возрасте и не очень близкое знакомство друг с другом, тоже должны придерживаться этой формы личного обращения.

У некоторых народов речевой этикет очень своеобразен и сложен. Например, в сельских районах Мексики в обращениях к собеседникам используются два местоимения 2-го лица: литературное испанское *usted* и менее вежливое *tú* (сравните русские *Вы* и *ты* или немецкие *Sie* и *du*). Но любопытно, что уважительное *usted* используется не только в официальных ситуациях и при обращении младших к

старшим, но и при обращении... к собакам и кошкам, тогда как других животных называют на *tú*. Это связано со спецификой культурно-бытовых традиций, в которых собакам и кошкам отводится особое место: в отличие от других животных, собака и кошка постоянно находятся в доме (или при доме), они как бы члены семьи. Местоименное обращение *usted* и служит своеобразным отличительным признаком такого особого положения этих домашних животных.

Чрезвычайно разработанная система речевого этикета сохраняется по традиции в Японии и некоторых других странах Востока. У японцев существуют иерархически упорядоченные совокупности форм приветствий, рекомендаций, просьб, благодарности и т. п., использование которых зависит от социального статуса собеседника, его возраста, пола, уровня культуры и других признаков (подробнее об этом можно прочитать в книге [Алпатов 1973]).

Еще более сложны и дифференцированы формы вежливости в таких языках, как корейский, тибетский, яванский. Корейцы, например, различают шесть рядов морфологических форм, каждая из которых связана с определенными отношениями между собеседниками: если социальное положение говорящего ниже, чем социальное положение адресата, употребляются одни формы, если выше — другие, при равенстве — третьи. Различаются по использованию этих форм виды речевого общения младшего по возрасту со старшим, женщины с мужчиной, мужчины с женщиной и т. д. Кроме того, еще два ряда форм служат для обозначения разных отношений между говорящим и тем, о ком (или о чем) идет речь в данной ситуации.

В тибетском языке одно и то же значение выражается по-разному, имеет ли говорящий в виду себя или кого-либо другого, к кому он относится с почтением. Например, слова *u* и *go* значат 'голова', но *u* — почтительная форма, а *go* — обыкновенная (о своей голове говорящий не скажет *u*, а только *go*). Так же различаются слова *gongpa* и *sampa* 'мысль', *chhab* и *chpu* 'вода' и некоторые другие.

"В яванском языке, — пишет исследователь этого языка К. Гирц, — почти невозможно что-либо сказать, не указав на различия в социальном положении говорящего и слушающего. Эти различия сильнее, чем те, которые символизируются местоимениями *du* и *Sie* в немецком (или *ты* и *Вы* в русском). Приветствуя человека, занимающего более низ-

кое социальное положение, чем говорящий, последний использует выражение *Apa padda slamet?* 'Как дела?'; встречаясь же с лицом, которое выше его на социальной лестнице, он говорит нечто совсем иное, более вежливое, но имеющее тот же смысл: *Menapa sami sugeng?* Точно так же различаются и другие формы обращений и приветствий. Более того, многие слова и аффиксы, помимо их собственных значений, несут еще дополнительную нагрузку в условиях живой речи: они указывают на социальный статус собеседников и на степень близости их отношений. Так, слова *omah*, *grija*, *dalem* значат 'дом', но употребляются они различно: *omah* можно сказать при разговоре с человеком более низкого социального статуса, чем говорящий, *grija* — при разговоре с равным, третье же слово — *dalem* — самое "уважительное": оно используется в общении с лицом более высокого социального положения" [Geertz 1970: 282—283].

На этих примерах мы убеждаемся, что формы речевого этикета отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием. Способ обращения к собеседнику, виды приветствий, благодарности, приглашения, прощания и т. п. зависят от социального положения обоих коммуникантов, их пола и возраста, от характера их взаимоотношений.

Речевой этикет — лишь одна из "зон", испытывающих на себе влияние социальных факторов, регулирующих использование языковых средств. На других участках языковой системы это влияние имеет более скрытые и сложные формы. Например, оказывается, что социальные факторы не только формируют условия, в которых развивается и функционирует язык, но и входят в качестве компонентов в структуру языковых единиц. На первый взгляд это кажется маловероятным. Но факты свидетельствуют: социальное проникает в ткань языка, а не только служит "антуражем" его употребления.

2.7. Социальные ограничения в семантике и в сочетаемости языковых единиц

В лингвистических описаниях издавна отмечаются факты социальной маркированности формы языковых единиц: шахтеры говорят *добыча угля*, моряки — *компас*, мили-